

Научная статья
УДК 821.161.1.0
doi: 10.17223/15617793/515/4

Проблемы комментирования восприятия современниками «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846–1847). Статья первая

Екатерина Геннадьевна Падерина¹

¹ Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, kbogan@yandex.ru

Аннотация. Выход из печати «Выбранных мест из переписки с друзьями» вызвал множество негативных оценок и личных претензий к Гоголю как к автору и как к личности. В причинах пытались разобраться еще в 1847 г., и вопрос до сих пор актуален, но полный объем документальных данных о встрече книги современниками к анализу не привлекался. В статье освещаются важные и сложные для комментирования подробности предпечатной ситуации 1846 г.: источники слухов, разнообразие мнений, динамика оценок по мере знакомства с книгой.

Ключевые слова: Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями», восприятие современников, субъективизм мнений, динамика оценок, А.В. Никитенко, П.А. Плетнев, Аксаковы, Свербеевы, комментирование

Для цитирования: Падерина Е.Г. Проблемы комментирования восприятия современниками «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846–1847). Статья первая // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 37–43. doi: 10.17223/15617793/515/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/4

Problems of commenting on the perception of *Selected Passages from Correspondence with Friends* by contemporaries (1846–1847). Article I

Ekaterina G. Paderina¹

¹ A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, kbogan@yandex.ru

Abstract. It is a well-known fact that the publication of *Selected Passages from Correspondence with Friends* (*Selected Passages*) made a tremendous noise in the society, and Gogol was attacked by a wave of negative assessments and personal claims against him as an author and as a person. Even Gogol's contemporaries tried to figure out the causes of the scandal that broke out in 1847, and the questions of who is to blame for what happened and who is right in the polemic about the book, are still being raised by the commentators. The traditional estimative approach has led to a simplified and schematized view of the situation, which has not been sufficiently investigated yet. The full volume of documentary data on the reaction of contemporaries to *Selected Passages* has not been involved in the analysis, while it gives a different picture. An overview of the details – important and difficult to comment on – of the reader's situation in 1846–1847 is presented in two articles on the same topic. This article, the first in a two-part study, provides a comprehensive overview of the initial contemporary perception of Gogol's book, with a specific focus on the under-examined pre-publication period of late 1846. This period, often overlooked in Gogol scholarship, is precisely when the enduring myths about Gogol's later works, the book itself, and the contemporary reaction to it were formed. Historical interpretations of this perception varied: at times it was framed as a simple confrontation "for" and "against" Gogol; at others, as a debate between rival literary parties concerning *Selected Passages*, or reduced solely to the disagreement between Belinsky and Gogol. The frameworks for these interpretations, however, were largely derived from the opinions and assessments of the participants in the pre-print discussions themselves. This article draws scholarly attention to the genuine diversity of hearsay, rumors, and opinions that circulated about the still-unread book. It identifies the sources of these rumors and pinpoints the factors and timing behind the formation of a prejudiced attitude among the readership. Challenging the traditional view that blames the editor and censor of *Selected Passages* for spreading negative interpretations, the provided data demonstrate that responsibility was more widely shared and that prejudice developed much earlier than the first rumors emerged, within both friendly and hostile circles. Furthermore, the article highlights several important, yet overlooked, issues pertinent to commenting on this notorious episode. These include the fluidity of certain opinions alongside the stability of others, and the differing ideological bases that can lurk behind superficially similar negative or positive assessments of the book and its author. The article illustrates this with examples of how opinions evolved as readers became familiar with the actual text, as well as instances where opinions converged for purely external reasons.

Keywords: Gogol, "Selected Passages from Correspondence with Friends", perception of contemporaries, subjectivity of opinions, dynamics of assessments, A. V. Nikitenko, P. A. Pletnev, Aksakovs, Sverbeevs, commenting

For citation: Paderina, E.G. (2025) Problems of commenting on the perception of *Selected Passages from Correspondence with Friends* by contemporaries (1846–1847). Article I. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 37–43. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/4

«Выбранные места из переписки с друзьями» были не первым произведением Гоголя, вызвавшим бурную реакцию «озадаченных» (П.А. Вяземский [1. С. 175]) читателей. Вот, например, как описал К.С. Аксаков в ноябре 1842 г. реакцию публики на «Мертвые души»: «Ни один решительно человек не остался равнодушным; книга всех тронула, всех подняла, и всякий говорит свое мнение. Хвала и брань раздаются со всех сторон, и того и другого много; но зато полное отсутствие равнодушия. Отовсюду слышны мнения. Их говорит всякий; всякий открыл свое суждение и потому – при этом всеобщем объявлении своих мыслей, взглядов на вещи, при этом всеобщем признании, вынужденном книгою, – произошла такая разность мнений, такие поразительные несходства, что едва веришь ушам своим. Без этой книги и предполагать нельзя бы было *такого различия мнений, которое вышло теперь на свет*» (курсив мой. – Е.П.) [2. С. 90].

Это же могло быть сказано о первом этапе восприятия «Выбранных мест...», и сравнение толков и споров вокруг и по поводу последней гоголевской книги с недавно нашумевшими обсуждениями поэмы принадлежит современникам Гоголя и довольно часто встречается в их письмах той поры. Д.Н. Свербеев, в частности, писал, что «книга наделала много шума и, как некогда “Мертвые Души”, стала камнем преткновения, о который спотыкаются многие, а иные и совсем на него падают, получая порядочные синяки от этого падения...»¹.

Но во многом реакция современников на последнюю книгу носила беспрецедентный характер. Это относится прежде всего к «препарированию» (печатно и изустно) личности писателя, против чего в печати уже в конце апреля 1847 г. протестовал П.А. Вяземский [1. С. 176–177], а также к слухам, толкам и даже безапелляционным отрицательным оценкам произведения и порицаниям автора (вплоть до объявления его сумасшедшим) – *до прочтения самой книги*. Еще одно важное отличие отметил С.П. Шевырев в январе 1848 г.: «Действие Мертвых Душ не было столько значительно, как действие Переписки: первое отдалось звонким хохотом на всю Россию, не везде хорошо осознанным, не везде благотворным; второе *разбудило мысль, привело в движение мнения, подняло вопросы*» (курсив мой. – Е.П.) [4. С. 1].

Вопросы, взбудоражившие первых читателей книги, были самого разного свойства, но во всех случаях их можно считать назревшими. Многие из поднятых Гоголем (религия и жизнь, религия и искусство) ощущались, а кем-то и осознавались как насущные², многие – обнажили свою болезненную нравственную суть (личная ответственность каждого перед Богом, перед государством и проч.), а иные вопросы, важные для гоголевских читателей и критиков, стали неожиданностью для автора (право писателя на самовыражение в избранной форме, право читателя на публичное высказывание, право человека на привычный образ жизни и проч.). Книга действительно «стала камнем преткновения», как выразился Свербеев, для подавляющего большинства внимательно или по верхам читавших ее современников.

Все участники и наблюдатели поднявшегося шума восприняли происходящее как скандал, обвинители считали, что оскандалился автор, защитники и почитатели – что оскандалилась публика. Сам Гоголь писал В.А. Жуковскому 6 марта н. ст. 1847 г.: «Появление моей книги разразилось точно в виде какой-то оплеухи: оплеуха публике, оплеуха друзьям моим, и, наконец, еще сильнейшая оплеуха мне самому» [7. Т. 8. С. 243]. Были и не вполне определившиеся, а также, по свидетельству Свербеева, такие, у кого «было заготовлено по нескольку мнений на эту книгу: в своем кабинете и в короткой беседе они говорили одно, в гостиных – другое» [3. С. 521]. При этом не только сама книга, но и публичная и изустная реакция на нее (а пред тем – тревожное ожидание ее выхода) сразу стала предметом обсуждений в гостиных, письмах и печатных рецензиях современников. Именно тогда сложились те мифы о позднем Гоголе, о самой книге и о реакции на нее, которые по разным причинам в дальнейшем удерживали свою влияние, несмотря на неоднократные опровержения. И сейчас «Выбранные места» продолжают возбуждать не только научные, но нередко полунаучные и открыто публицистические споры, в числе прочего – о личности автора. При этом обстоятельства первой встречи «Переписки с друзьями» читателем исследованы недостаточно, а в ее описаниях по сю пору превалирует оценка «правоты» и «неправоты» того или иного отзыва или суждения.

Вместе с тем разобраться в произошедшем и описать события более чем непросто в силу перегруженности подробностями и перипетиями, редукция которых, как показал опыт гоголеведения, оборачивается упрощением и схематизацией.

Задача нашего обзора комментаторской проблематики, разделенного на две статьи, – указать на обойденные вниманием аспекты первоначальной рецепции книги. К ним относятся допечатный период слухов и толков о книге и Гоголе, беспримерное разнообразие («разноголосица, какой доселе не бывало», по выражению Гоголя [7. Т. 13. С. 260]) и подвижность мнений как в отрицательных, так и в положительных оценках, а также разнообразие причин и особенностей предвзятого восприятия современниками как «Переписки...», так фактически и отношения к ней других читателей и критиков.

Прежде всего рассмотрим к хронологическим границам скандальной ситуации. То, что шум по поводу «Переписки с друзьями» существенно опередил ее выход из печати, было отмечено современниками, потом неоднократно упоминалось историками литературы и комментаторами, но подробно в причинно-следственном ряду событий не рассматривалось, хотя слухи и домыслы задолго до прочтения книги выступили одним из существенных факторов влияния на восприятие и оценку книги.

Вышли из печати «Выбранные места» 31 декабря 1846 г. [8. С. 692], и в первых числах января П.А. Вяземский написал П.Я. Чаадаеву в Москву: «У нас возбудила всеобщее внимание книга Гоголя. То-то у вас будут толки о ней» [9. С. 209]. Но и в Москве книга уже давно и активно обсуждалась, так что Шевырев, отметивший этот факт в своей рецензии (№ 1 «Москвитянина» за 1848 г.), сильно смягчил ситуацию, написав,

что «еще за два месяца по крайней мере до появления книги предшествовали ей слухи» [4. С. 1] (курсив мой. – Е.П.). Период обсуждения книги до ее выхода длился около полугода. Даже в Москве это началось еще в начале августа, первое из известных упоминаний (в письме Е.А. Свербеевой к А.Н. Попову) относится к 11-му числу [8. С. 685]. И уже тогда определились, можно сказать, основные «страхи и ужасы» будущих читателей. В. Шевырев, сообщая 29 октября 1846 г. Гоголю толки о книге, заключил их краткий перечень (включая версию о сумасшествии автора) выводом: «Книга твоя должна возбудить всеобщее внимание, но к ней приготовлены уже с *предубеждением* против нее» (курсив мой. – Е.П.) [9. С. 331].

Ответственность за формирование и распространение слухов и толков традиционно возлагается на цензора книги А.В. Никитенко и на ее редактора П.А. Плетнева (см., например, у В.И. Шенрока [3. С. 514]). Современный комментатор винит исключительно цензора, опираясь на мнение Плетнева и Шевырева [10. С. 962] и считая, что Никитенко был предубежден именно против христианских взглядов Гоголя, а потому «постарался – еще до публикации книги – бросить на них тень, объявив гоголевское сочинение следствием душевного помешательства автора» [11. С. 449]. Между тем просьбу Гоголя сохранить печатание книги втайне нарушил не только цензор, но и редактор, и удержаться, к слову сказать, вряд ли было по силам. Шевырев тоже не выдержал и ознакомил, вопреки просьбе Гоголя, московских друзей с предисловием ко 2-му изданию поэмы еще в рукописи (в Петербурге оно стало известно от цензуровавшего его Никитенко), так что обращение Гоголя-сочинителя (в предисловии к «Мертвым душам») к прочитавшим «Переписку» современникам тоже трактовалось *еще не читавшими книгу* и уже предубежденно настроенными, и это дополнительно запутывало и без того сложную ситуацию.

Однако в вопросе об ответственности за слухи и толки важно учесть следующее. Два альтернативных источника, т.е. Никитенко с негативными трактовками и Плетнев с положительными, не образовали двух однородных по ожиданиям потоков, как можно было бы подумать и как это оценил в своей рецензии Шевырев [4. С. 1], еще не располагавший достаточными сведениями. В реальности отрывочные сведения из обоих источников порождали в Петербурге, а тем более в Москве вопросы и толки как таковые, а окраска и домыслы зависели от уже имевшегося настроения каждого следующего посредника.

В этом плане примечательны обстоятельства, образовавшие предвзятость самого цензора. А.В. Никитенко распространял *свое*, действительно, предубежденное, мнение, и сложилось оно за полтора года до получения им гоголевской рукописи для цензурирования. Напомним его дневниковую запись от 8 мая 1845 г. об инициированном С.С. Уваровым разговоре о Гоголе: «Уваров хотел показать мне письмо к нему Гоголя, да не отыскал его в бумагах. Он *передал мне его содержание на словах, ручаясь за достоверность их*» (курсив мой. – Е.П.). Гоголь благодарит за получение

от государя денежного пособия и, между прочим, говорит: «Мне грустно, когда я посмотрю, как мало я написал достойного этой милости. Все, написанное мною до сих пор, и слабо и ничтожно до того, что я не знаю, как мне загладить перед государем невыполнение его ожиданий. Может быть, однако, бог поможет мне сделать что-нибудь такое, чем он будет доволен». Печальное самоуничижение со стороны Гоголя! Ведь это написал человек, взявший на себя роль обличителя наших общественных язв и действительно разоблачающий их не только метко и верно, но и с тактом, с талантом гениального художника. Жаль, жаль! Это с руки и Уварову и кое-кому другому» [12. С. 292]. Между тем Гоголь в своем письме, почтительно благодаря министра за хлопоты и ходатайство, а через него выражая особую благодарность императору, по тону и риторике всего лишь высказывает естественную в таком случае скромность и пользуется традиционной для официально-делового эпистолярного стиля и соответствующей ситуации речевой фигурой – и не помышлял, еще не заслужил, но надеюсь, буду достоин и т.п. (см.: [7. Т. 12. С. 483–485]). Что бы ни думал Гоголь о написанных ранее произведениях, с письмом он обращался к министру, а не к confidentу. И Никитенко, уже 10 лет служивший по цензурному ведомству, не зря дистанцировался от «достоверности» уваровской трактовки – и закавычив ее, и подчеркнув, что министр поручился за достоверность и что ему такое признание Гоголя «с руки», и, наконец, записав 10 мая: «Заходил в канцелярию к Комовскому, чтобы, по желанию министра, прочесть письмо Гоголя. *Суицист* его *почти та же*, что передавал мне Уваров» (курсив мой. – Е.П.) [12. С. 292]. То есть не только в форме подачи, но и в содержании он увидел искажение. Не беремся сейчас разбираться, зачем и почему Уваров решил познакомить Никитенко с гоголевским письмом, зачем и почему искажил гоголевское высказывание буквализацией риторической фигуры почтительной благодарности, ясно одно – именно эта подсказка министра повлияла на восприятие Никитенко (цензуровавшего до того «Мертвые души» и четыре тома Сочинений Гоголя и проявившего доброжелательное отношение к автору) полученных в июле 1847 г. первых глав «Переписки с друзьями», прежде всего – на чтение «Предисловия» и «Завещания». Начав чтение рукописи, Никитенко, как и многие другие, увидел именно то, чего уже ждал. Характерно в этом плане, что С.Т. Аксаков, близкий друг и один из самых активных и жестких обвинителей автора «Выбранных мест», свое тревожное ожидание, «подтвержденное» слухами 1846 г. из Петербурга, измерил почти пятью годами (ср.: «Пятый год душа моя наполнена этими чувствами и убеждениями» [2. С. 164]).

Другое дело – поспешность, с какой А. Никитенко, не прочитав еще всего текста, делился своими оценками и иллюстрировал их примерами из гоголевской рукописи, вырванными, разумеется, из общего контекста. Но ведь и Плетнев, еще не прочитав книгу целиком, составил «полное» мнение о ней и делился этим – глубоко положительным – мнением: в письмах – с Я.К. Гротом и Жуковским, при чтении корректурных листов первых глав книги – с часто бывавшими в его

доме во второй половине 1846 г. П.А. Кулишом и А.О. Ишимовой [3. С. 514], с приезжавшим в Петербург Гротом, а также с «небольшим кружком приближенных», по выражению Кулиша [13. С. 61].

Позднейшее осуждение поведения А.В. Никитенко восходит к «свидетельствам» С. Шевырева конца октября [14. С. 331] и начала ноября [10. С. 962] того года, а в Москве слухи поползли, как уже говорилось, в августе. Отсюда вопрос: из каких источников были почерпнуты московскими друзьями Гоголя «верные и секретные известия» (по С.Т. Аксакову) о книге, «в строжайшей тайне» печатавшейся в Петербурге? Единственным пока источником данных об этом являются опубликованные Л.Р. Ланским в т. 58 «Литературного наследства» (1952) фрагменты из писем Е.А. Свербеевой к А.Н. Попову, бывшему тогда в Петербурге. Свербеева 11 и 15 августа 1846 г. [8. С. 685–686] отвечала на письма Попова, местонахождение которых неизвестно (скорее всего, они не сохранились), поэтому выяснить, что знал, что и как сообщил Попов о готовящемся издании, не представляется возможным. Известно, однако, что он не входил в близкий круг общения Плетнева или Никитенко, а Белинский с соратниками относились к нему, мягко говоря – недружественно. И скорее всего, в августе сам Попов попросил москвичей прояснить ситуацию в связи с распространившимся в Петербурге слухом, а это оказалось для них «вестью» о книге. Ясно, что слухи были неблагоприятными, раз Свербеева, отвечая, упомянула «новую книгу Гоголя, которая *угрожает* нам» (курсив мой. – Е.П.) [8. С. 685]. В сентябре, кстати, Попов написал ей: «издатели хранят его (“сочинение Гоголя”. – Е.П.) в тайне и даже мне не показали ни одного печатного листа» [8. С. 690].

По большей части, судя по ныне известным подробностям, слухи и рождались, и распространялись стихийно, подобно гоголевскому описанию в поэме. Шевырев подметил это в упомянутом выше письме к Гоголю от 29 октября ст. ст. 1846 г. о предпечатных толках: «Когда я слушаю эти вести, всегда вспоминаю город NN в М<ертвых> Душах и толки его о Чичикове» [14. С. 330–331]. Приведем характерный, хотя и чуть более поздний по времени, пример стихийности, с которой бесполезно было бороться. 22 февраля 1847 г. Гоголь написал Смирновой по поводу ее смущения неприятием книги в Москве: «С московскими моими приятелями об этом не рассуждайте. Они люди умные, но многословы и от нечего делать толкут воду в ступе. Оттого их может смутить всякая бабья сплетня и сделаться для них предметом неистощимых споров. Пусть их пугаются обо мне, я их вразумлять не буду» [7. Т. 13. С. 224]. К этому времени он уже получил письмо старшего Аксакова (от 9 декабря) с «беспощадной правдой» о еще не прочитанной книге и краткой хроникой нарастания слухов и общего «возмущения» автором, да и прежде возникала необходимость опровергать московские слухи и толки о себе. Но речь о другом. Смирнова показала письмо брату – Л.И. Арнольди, он пересказал его близкому другу Ивану Аксакову, опустив конец (от слов «и от нечего делать»), тот

написал о гоголевском совете родным в Москву, сопроводив ремаркой: «Тут еще некоторые эпитеты, которые Арнольди, рассказывая письмо, не мог припомнить. Мне же дать прочесть это письмо Смирнова, несмотря на все просьбы Арнольди, отказала!» [5. С. 315]. Мы согласны с Ланским, отметившим тактичность Арнольди, умолчавшего по «вполне понятным причинам» об оценке Гоголем «московских приятелей» [8. С. 703]. Но вот вопрос: зачем Арнольди вообще рассказал об этом совете Ивану Сергеевичу, очень хорошо зная о его постоянной и откровенной переписке с родителями, о противоречии в семье по поводу гоголевской книги и ревностном отношении к Смирновой? Зачем сам Иван принял эту эстафету? Ответа мы не найдем, потому что каждый следующий посредник начиная с самой Смирновой (и прежде, и в этот раз, и позднее) руководствовался исключительно причиной, а не целью, не задумываясь о последствиях вообще или частично, а причин у всех было достаточно: в каждом звене этой цепочки отношения были или родственные, или дружески-солидарные, или те и другие. А в итоге получалось нечто самопроизвольно расширяющееся и уплотняющееся.

Итак, целесообразность различения двух этапов обсуждений – до и после непосредственного выхода книги из печати – очевидна. Но всех сложностей это не устраняет. Обстоятельства в целом сформировали как минимум три варианта реагирования на вышедшую из печати книгу.

Первый – переоценка после прочтения. Например, изменение мнения И.С. Аксакова от согласия с отцом, основанного на переданных из Москвы слухах, в ноябре 1846 г. [5. С. 336] до собственного принятия книги по ее прочтении и спора с отцом в январе 1847 г. [5. С. 344].

Второй – эволюция и корректировка оценки по мере углубленного знакомства или осмысления целой книги. Для примера обратим внимание на дневниковую запись П.А. Кулиша (в феврале 1847 г.), который познакомился с текстом «Переписки» по корректурным листам в Петербурге у Плетнева в ноябре–декабре 1846 г., а потом на родине, внимательно и сосредоточенно прочитал ее в январе 1847 г.: «К увеличению наших духовных наслаждений П<стр> А<лександрович> прислал нам “*Выбранные места из переписки с друзьями*” Гоголя <...> Голос сердечного убеждения, которым проникнута эта книга, поразил теперь меня самого, хотя в Петербурге первые места этой книги, тогда печатавшейся, показались мне ниже таланта Гоголя» [15. С. 57].

Третьим вариантом является неготовность переменивать загодя сформированное мнение и отношение. Отметим, что в большом числе таких случаев образованная, а чаще усиленная предпечатными толками предвзятость к моменту знакомства с самим произведением приобретала такую плотность, что стала совершенно непроницаемой для всякой несовпадающей мысли или сомнения.

Один из характерных и доступных в документах примеров можно наблюдать в переписке Аксаковых. Уже 26 августа старший Аксаков писал Ивану Сергеевичу: «Мы получили верное и секретное известие из

Петербурга, что там печатается целая книга, присланная от Гоголя: *отрывки из писем или переписки с друзьями* (название хорошенько не помню). <...> Между прочим, там Гоголь признает совершенную ничтожность всего им написанного и говорит, что изорвал продолжение “Мертвых душ”, объявляет, что едет в Ерусалим и делает какое-то завещание публике или России. Плетнев печатает эту книгу в возможном секрете и потому не говори об этом никому ни слова <...> Увы, исполняется мое давнишнее опасение! Религиозная восторженность убила великого художника и даже сделает его сумасшедшим. Это истинное несчастье, истинное горе. Впрочем, лаская себя надеждой, что это как-нибудь да не так: может быть, он изорвал прежнее продолжение “Мертвых душ” и написал новое. Истина должна скоро открыться. Второе издание “Мертвых душ” уже печатается и к 15 октября выйдет в свет, если не задержит сам Гоголь присылкою предисловия. Меня удивляет эта несообразность: если он отказывается от всего им написанного, зачем второе издание “Мерт<вых> ду<ш>”?» (курсив автора. – Е.П.) [2. С. 159]. Подчеркнем, прежде всего, уверенность Сергея Тимофеевича в том, что известие об отказе Гоголя от прежних творений и проч. – «верное», и эту уверенность не колеблют собственные здравые мысли, что «истина» еще только должна открыться, что зачем-то Гоголь затеял второе издание поэмы. Оказалось легче признать близкую к сумасшествию несообразность гоголевских действий, чем отказаться от уверенности в том, что опасения сбылись и что художник в Гоголе погиб. «Давнишнее опасение» Аксакова относится еще к 1842 г. и связано с намерением Гоголя поехать в Иерусалим, породившим подозрение в «религиозной восторженности» и увлечении Гоголя мистицизмом. Уже тогда предубеждения Аксакова не поколебали ни попытки Гоголя объясниться, ни последующие эпистолярные подтверждения серьезности, обдуманности и прочувствованности его христианских устремлений: предубеждение превращало все это в признаки ханжества. Поэтому в 1846 г. уже ничто не смогло поколебать его уверенности в правоте слухов: сообщенным Шевыревым в начале сентября разъяснением Плетнева он просто не поверил³, как и объяснениям Гоголя, положительному мнению Ивана Сергеевича, уже прочитавшего книгу в Калуге. «Переполнилась мера», – написал Аксаков Гоголю 9 декабря 1846 г., изложив свою «беспощадную правду» о «дьявольской гордости», ханжестве и т.п. автора не прочитанной им книги [2. С. 164]. Реальное знакомство с книгой только ужесточило эту давно готовую позицию⁴ (чаще замечалось в письмах определение «беспощадный»), а борьба с автором книги приобрела оттенок общественной миссии, и, сообщая Ивану Сергеевичу о своей эпистолярной отповеди Гоголю, Аксаков резюмировал: «...я исполнил свой долг как друг, как русский и как человек» [2. С. 161]. С этим же пафосом он убеждал сына (в письме от 16 января): «Мы не можем молчать о Гоголе, мы должны публично порицать его» (курсив мой. – Е.П.) [2. С. 164].

По части разнообразия давних предубеждений информативен обзор мнений, сделанный по просьбе

С.Т. Аксакова Д.Н. Свербеевым. Литературный салон Свербеевых известен нейтральным отношением к убеждениям и литературным пристрастиям гостей, и хозяева знали из первых уст разные мнения о книге. Но о каких «прочитавших» книгу гостях написал Свербеев – загадка. Письмо написано 16 января 1847 г., собирались у Свербеевых по пятницам, и последняя перед письмом приходится на 10 января. Но 9 января книга только появилась в московской книжной лавке М.Д. Ольхина, о чем сообщили «Московские ведомости» (в «Прибавлениях» к № 4). В тот же день Аксаковы написали Ивану Сергеевичу в Калугу, что они книги еще не видели [8. С. 696]. Не исключено, конечно, что среди гостей этого вечера были такие, кто за сутки успел пролистать книгу (для сравнения: Ивану Аксакову на беглое чтение потребовались сутки – без перерыва на ночь [5. С. 343]). Не вполне исключено и то, что за первую декаду января кто-нибудь (?) привез в Москву купленный в Петербурге экземпляр, который кем-то, опять же, был прочитан. Но доля вероятности этого чрезвычайно мала. Думается, что об этом было бы прямо или косвенно упомянуто в письме, где в числе прочего Свербеев (надо отдать ему должное) сам высказал сомнения относительно реальной осведомленности оценивающих лиц («Сперва повторю я чужие мнения о книге, которые удалось мне выслушать справа и слева от прочитавших *Избранные письма Гоголя*, а может быть, и от тех, которым совестно было бы признаться, что они их еще не читали» (курсив автора. – Е.П.) [3. С. 520]), а в заключение обзора подчеркнул: «А каких бы еще диковинных мнений наслаивались мы, если бы наши московские торгаши книгами не отсылали от себя покупателей *за неимением книги*» (курсив мой. – Е.П.) [3. С. 521].

Отметим особо, что Свербеев вовсе не считал эти предваряющие реальное знание оценки неправомерными: «После будет поздно; первая вспышка пройдет. Привилегированные умники, уже давно *прочитавшие книгу*, наложат на общество свое собственное мнение, ему обрадуется большинство и примет с голоса. Есть люди осторожные, слишком к себе недоверчивые, которые этого именно и ждут» (курсив мой. – Е.П.) [3. С. 521]. Иными словами, слухи или искаженные фрагментарные сведения, обросшие эмоциями посредников, он считал вполне достоверным источником, и суть извлекалась не из самостоятельного прочтения, а из отношения к чужому суждению. Сам Свербеев, по его словам, свое мнение составил «по прочтении всей книги» [3. С. 521], но из приведенных им оценок и высказываний, не выходящих за пределы самых одиозных и обсуждаемых вопросов и претензий к автору, можно заключить, что его знакомство с книгой было беглым пролистыванием с возможными остановками не некоторых глав (в письме есть косвенные отсылки к главе «Чем может быть жена для мужа в домашнем быту», превратно истолкованной, и высказано недоумение гоголевской трактовкой пушкинского стихотворения «С Гомером долго ты беседовал один...» из главы «О лиризме наших поэтов»).

В.И. Шенрок считал, что Свербеев, в отличие от Аксаковых, «говорит совершенно беспристрастно и ни

одним словом не подает повода упрекнуть в увлечении какой-либо любимой идеей» [3. С. 523]. Но это не так. Пристрастность обозревателя выражена уже в комментариях к чужим мнениям: простосердечные (кто «в простоте сердца» поверил) читатели приняли религиозность Гоголя со «слезами умиления», другие «робко» – «выражали сомнение» в смирении автора, третьи – «посмелее, называли уже книгу первым неудачным опытом автора в этом великом подвиге христианина», а «отчаянный смельчак» назвал Гоголя Тартюфом (курсив мой. – Е.П.) [3. С. 521] и т.п. Причем собственное мнение Свербеева об авторе книги практически совпадает с последним – «отчаянного смельчака», отличаясь только сомнением в мотивах Гоголя: «...надувает ли он (от чего Боже сохрани), прежде чем сам надувается, или же надувается прежде сам, а уже потом надувает своих читателей» [3. С. 523].

Получившие впоследствии особую популярность сравнение Гоголя с Тартюфом и обвинение его в ханжестве распространились, вероятно, под влиянием или как минимум при поддержке сугубой сплетни о Гоголе-человеке. Так, О.С. Аксакова, «доселе, как правило, на литературные темы письменно не рассуждавшая», как точно подметил В.А. Кошелев [6. С. 79], писала сыну в Калугу 14 января 1847 г. (едва в семье прочитали «Выбранные места»): «...одно сильное действие возбудила во мне эта книга: сильное негодование – вот и польза его книги; до сих пор не могу истребить этого ощущения, оно же и поддерживается вестями (которые привез <Н.П.> Боткин и переданные нам Константином), что он иначе не ходит, как потупя взор, и ему говорят тихо, с подобострастием: “Николай Васильевич, Николай Васильевич, хорошо ли это блюдо?”, а он, кушая, отвечает: „Софья Петровна, думайте о душе Вашей“» (выделено

в оригинале. – Е.П.) [8. С. 698, примеч. 2]. Судя по приведенному Ланским в примечании отрывку из неизданных «Путевых записок за границей» Ф.П. Толстого, по Риму носились разные слухи о «ханжестве» Гоголя и подобострастии к нему в доме С.П. Апраксиной (сестры А.П. Толстого). Сам Толстой между тем сообщил в «Записках» только то, что Гоголь в доме Апраксиных «играет роль» «какого-то» углубленного в думы человека и потому по большей части все молчит» [8. С. 698–699].

Предвзятость Свербеева, как мы видим, была образована совсем другими причинами, чем у Аксакова. В глазах Свербеева, чурающегося Гоголя из-за риска быть упомянутым в печати⁵ и тем самым оказаться «прихвостником у какой-то знаменитости», – писатель «как-то и почему-то поставил себя вне всех приличий», в то время как «русское общество умеет замечать странности своих знаменитостей, скорбит о толпе, когда эти странности нисходят до мании, но хранит к ним уважение, терпеливо ожидая благодетельного для них кризиса и в этом своем ожидании все странности замечательного писателя, всякую манию достойного по высокому характеру человека, может быть *слишком долго прикрывает своим благодушным снисхождением*» (курсив мой. – Е.П.) [3. С. 520–521]. Так что Свербееву, по сути, книга предоставила возможность отставить в сторону снисхождение к странностям (как к вседозволенности) знаменитого писателя.

Таким образом, одинаковая оценка книги нередко исходила из разной предвзятости. Но документально засвидетельствованы и обратные примеры, когда за разными оценками скрывалось одинаковое предубеждение. Однако эти факты и обтекаемое привычно применяемых понятий будут раскрыты во второй статье на эту же тему.

Примечания

¹ ОР РГБ. Ф. 3. Аксаковы. К. 16. Ед. хр. 16. Письмо Д.Н. Свербеева С.Т. Аксакову от 16 января 1847 г. Л. 2 об. Впервые опубликовано с неточностями в этом фрагменте и ошибкой в дате (10 января) [3. С. 521]; сверено с автографом и исправлено О.В. Голодняк.

² И.С. Аксаков, например, писал родителям 28 сентября 1846 г.: «Меня все это время ужасно тревожил и мучил вопрос о примирении искусства с религиею и наводил тоску, тягостную и невероятную... Вопросы этого, разумеется, я не разрешил, но как-то теперь перестал об нем думать так много; этот вопрос есть вопрос о примирении язычества с христианством, религии с жизнью, словом, завлекает далеко» [5. С. 315]; эти темы Аксаков выделил и в своей оценке вышедшей книги в письме к родным от 18 января 1847 г. [5. С. 344]. О других гоголевских «тезисах», усвоенных И. Аксаковым «еще до знакомства с “Перепиской...”», см. в [6. С. 81–82].

³ Ср.: «Плетнев пишет, что в сочинении Гоголя, которое скоро выйдет из печати, ничего нет такого <...> и что известие это совершенно ложно; а я думаю, что оно справедливо» [8. С. 688, примеч. 1].

⁴ 11 января отец и сестра, прочтя «только половину», написали Ивану Сергеевичу, что признание автора сумасшедшим – самая благоприятная оценка книги [2. С. 164].

⁵ Ср.: «Письменные же сношения с Гоголем – вы сами это видите – опаснее, нежели с кем бы то ни было» [3. С. 520].

Список источников

1. Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. 463 с.
2. Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 302 с. (Серия: Литературные Памятники)
3. Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1897. Т. 4. 978 с.
4. Шевырев С. Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя // Москвитянин. 1848. Ч. 1, № 1. Критика. С. 1–29.
5. Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849 гг. М.: Наука, 1988. 724 с. (Серия: Литературные Памятники)
6. Кошелев В.А. Иван Аксаков: консервативная оппозиция как литературная идеология // Русская литература. 2006. № 1. С. 76–94.
7. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. <Б.М.>: Изд-во АН СССР, 1937–1952.
8. Литературное наследство. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Наука, 1952. 1060 с.
9. Из бумаг П.Я. Чаадаева. Письма князя П.А. Вяземского / сост. и примеч. А.И. Кирпичникова // Старина и новизна. Исторический сборник. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1897. С. 205–212.
10. Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым: в 3 т. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1896. Т. 2. 968 с.
11. Виноградов И.А. Цензурная история «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Москва; Киев: Изд-во Моск. Патриархии, 2009. Т. 6. С. 445–464.
12. Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. [Л.:] ГИХЛ, 1955. Т. 1. 543 с.

13. <Кулиш П.А.> Записки о жизни Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем : в 2 т. Т. 2. СПб. : В типографии Юлиуса Штайфа, 1856. 302 с.
14. Переписка Н.В. Гоголя : в 2 т. М. : Худож. лит., 1988. Т. 2. 479 с.
15. Кулиш П. Щоденник / упор. тексту, прим. С.М. Кіржаєва. Київ : Інститут Української Археології, 1993. 83 с.

References

1. Vyazemskiy, P.A. (1984) *Estetika i literaturnaya kritika* [Aesthetics and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo.
2. Aksakov, S.T. (1960) *Istoriya moyego znakovstva s Gogolem* [The History of My Acquaintance with Gogol]. Moscow: USSR AS.
3. Shenrok, V.I. (1897) *Materialy dlya biografii Gogolya* [Materials for the Biography of Gogol]. Vol. 4. Moscow: Tip. A.I. Mamontova.
4. Shevryyov, S. (1848) Vybrannyye mesta iz perepiski s druz'yami N. Gogolya [Selected Passages from Correspondence with Friends by N. Gogol]. *Moskvityanin*. 1 (1). Kritika. pp. 1–29.
5. Aksakov, I.S. (1988) *Pis'ma k rodnym. 1844–1849 gg.* [Letters to Relatives. 1844–1849]. Moscow: Nauka.
6. Koshelev, V.A. (2006) Ivan Aksakov: konservativnaya oppozitsiya kak literaturnaya ideologiya [Ivan Aksakov: Conservative Opposition as Literary Ideology]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 76–94.
7. Gogol', N.V. (1937–1952) *Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 tomakh* [Complete Works: in 14 vols]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
8. Anon. (1952) *Literaturnoye nasledstvo. Tom 58: Pushkin. Lermontov. Gogol'* [Literary Heritage. Vol. 58: Pushkin. Lermontov. Gogol']. Moscow: Nauka.
9. Kirpichnikov, A.I. (1897) Iz bumag P.Ya. Chaadayeva. Pis'ma knyazya P.A. Vyazemskogo [From the Papers of P.Ya. Chaadayeve. Letters of Prince P.A. Vyazemsky]. In: *Starina i novizna. Istoricheskiy sbornik* [Antiquity and Novelty. Historical Collection]. Saint Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha. pp. 205–212.
10. Anon. (1896) *Perepiska Ya.K. Grot s P.A. Pletnevym: v 3 tomakh* [Correspondence of Ya.K. Grot with P.A. Pletnev: in 3 vols]. Vol. 2. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva Putei Soobshcheniya.
11. Vinogradov, I.A. (2009) Tsenzurnaya istoriya "Vybrannykh mest iz perepiski s druz'yami" [The Censorship History of "Selected Passages from Correspondence with Friends"]. In: Gogol, N.V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Complete Works and Letters: in 17 vols]. Vol. 6. Moscow; Kyiv: Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii. pp. 445–464.
12. Nikitenko, A.V. (1955) *Dnevnik: v 3 tomakh* [Diary: in 3 vols]. Vol. 1. Leningrad: GIHL.
13. [Kulish, P.A.] (1856) *Zapiski o zhizni Gogolya, sostavlenkiye iz vospominaniy yego druzey i znakomykh i iz yego sobstvennykh pisem: v 2 tomakh* [Notes on the Life of Gogol, Compiled from the Recollections of His Friends and Acquaintances and from His Own Letters: in 2 vols]. Vol. 2. Saint Petersburg: V tipografii Yuliusa Shtaufa.
14. Anon. (1988) *Perepiska N.V. Gogolya: v 2 tomakh* [Correspondence of N.V. Gogol: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
15. Kulish, P. (1993) *Shchodennyk* [Diary]. Kyiv: Instytut Ukrain'skoi Arkheohrafii.

Информация об авторе:

Падерина Е.Г. – д-р. филол. наук, ведущий научный сотрудник Отдела русской классической литературы Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: kbogan@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.G. Paderina, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: kbogan@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.02.2025;
одобрана после рецензирования 23.04.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 28.02.2025;
approved after reviewing 23.04.2025; accepted for publication 30.06.2025.